

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ НАЦИОНАЛЬНО-ЭТНИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Фатима АЛБАКОВА

Албакова Фатима Юсуповна, канд. искусствоведения, докторант ИППК МГУ

Острота межэтнических конфликтов в современной России детерминирована совокупностью факторов: разрушением социально-экономических, политических, идеологических взаимосвязей; преступной активизацией военных конфликтов; игнорированием конфессиональных и национальных идеалов, ценностных установок; отсутствием хорошо продуманной и всесторонне обоснованной концепции национальной политики; неконтролируемой миграцией; ростом национального самосознания ранее репрессированных народов.

В этих условиях резко повышается актуальность и значимость национальных культурных установок, ценностно-символических аспектов бытия национальных социумов, специфических особенностей конкретных этносов. В этом плане особый интерес представляет Северо-Кавказский регион, в котором сосредоточены многочисленные этносы, обладающие древними культурными традициями. Достаточно сказать, что в данном регионе проживают более 50 автономных народов, многочисленные группы некоренного населения, множество транзитивных этнокультурных объединений, попавших сюда в результате миграционных процессов последних десятилетий. Сегодня Кавказ - это сложная система множества мощных культур, каждая из которых характеризуется собственной национальной идеей, своеобразной иерархией этнокультурных ценностей, сложной знаково-символической когнитивно-культурной системой.

Современный Кавказ – регион, где в настоящее время активизируются геополитические конфликты, которые увязывают с высоким уровнем социальных противоречий в сфере национально-государственного устройства, межэтнических отношений, с повышением статуса народов в иерархии национально-государственных образований. Значимым фактором является также то, что в данном регионе активно контактируют этносы различных социокультурных типов и различных конфессиональных ориентаций (прежде всего христианства и ислама). При этом всё чаще ислам рассматривается как специфическая мобилизационная идеология для кавказских народов, как важнейший фактор нового национального самосознания, как основание для создания самостоятельных государственных образований. В данном контексте резко повышается значение объективной рефлексии культурного статуса ислама в единстве с традиционными основаниями национального самосознания. Это обстоятельство (религия в единстве с традиционной культурой), все чаще рассматривают, как основную причину этнического экстремизма не только на Кавказе, но и в современной России (в последнем

случае в привязке к православию и другим конфессиям), тогда как это лишь следствие более глубоких этнических процессов, обусловленных кризисным состоянием этносов.

Всё больше исследователей обращает внимание на то, что изучение современного общества нуждается в глубоком переосмыслении механизмов взаимозависимости форм и методов политического реформирования, в анализе социально-экономических преобразований, в их сопряжённости с национально-культурной спецификой, со знаково-символическими основаниями национального сознания. Такой подход даёт возможность понять глубинную природу фундаментального конфликта ценностей, который проявляется в катастрофическом уровне отчуждения населяющих Россию народов от существующей сегодня политической системы.

Преодоление межэтнической отчужденности связано с верным пониманием социальной и культурной специфики национальных факторов, которое невозможно без разностороннего изучения различных этнокультурных систем, что способствует лучшему пониманию народами друг друга.

Возрастание роли и значения этнокультурных парадигм в динамике современного социума, связанное с актуализацией стереотипов, типических установок, символических оснований национального самосознания сопряжено с диалектикой общечеловеческих и этнических ценностей. При том, что стабильность межнациональных отношений напрямую зависит от устойчивости социальной системы, (справедливо и обратное).

К классу символических образований этнокультуры следует отнести: идеи, верования, язык, отношения, чувства, действия, обычаи, формы искусства, орнамент, законы и т.д. В рамках национальной культуры, национально-этнического сознания эти образования (символы, этносимволы) выступают как превращённые формы социально-исторического опыта конкретного этноса, который и обеспечивает его своеобразие, обуславливая национальную специфику миропонимания, мирочувствования.

Поэтому этносимвол (символическое образование, в предельно концентрированной форме, выражающее идеи, явления, верования, идеалы, чувства и т.д.) является субстанциональным ядром, организующим знаковую среду, характерную для данной этнокультурной системы.

Об особенных чертах национально-этнического сознания можно судить по элементам традиционной материальной культуры, фольклора, продуктам народных промыслов, произведениям народного искусства. Ещё большее значение в этом плане имеет этническая специфика социальной деятельности, в которой объективируются этнопсихологические факторы, как унаследованные так и усвоенные. При этом особое значение имеет анализ устойчивых этнических спецификаций поведения, составляющих часть образа жизни этноса, особенностей вербального поведения, речевого этикета. К примеру, побывавший с экспедицией в горной Ингушетии в 1830-32 гг. И.Бларамберг писал: "Ингуши считают оскорбление словом самым чувствительным из оскорблений... Презрение к жизни рассматривается как доблесть, а малейшее проявление страха - как величайший позор. Их мужество и доблесть разделяют также их женщины,..."

Прояснение сущности и структуры национально-этнического сознания невозможно без изучения символических форм любой национальной культуры. Специфика этноса сопряжена со спецификой культуры, которую она создает. Поэтому необходимость исследования национально-этнического сознания, народной культуры сегодня, особенно, актуальна, вдвойне она актуальна для культуры ингушей и чечен, что связано со сложным комплексом исторических и социально-политических проблем.

Дело в том, что вайнахская народная культура развивалась в достаточно своеобразных условиях, существенно повлиявших на ее характерологические черты.

Во-первых, народная культура ингушей и чечен сопряжена с таким геополитическим локусом (освоенное культурное пространство), который был постоянно связан с разнообразными, часто противоположными культурными влияниями. Достаточно сказать, что в регионе Северного Кавказа исторически перемешивались малоазийские, западноевропейские, средне- и южно-восточные культурные традиции. Народная культура вайнахов всегда существовала в условиях мультикультуризма. Это ставило во главу угла социокультурного бытования этноса выработку и постоянное сохранение норм, механизмов и критериев национальной идентичности.

С другой стороны, как было отмечено, район проживания вайнахов характеризуется повышенным религиозно-конфессиональным разнообразием. Однако следует отметить, что это обстоятельство, само по себе, никогда не порождало межнациональные конфликты в масштабах последнего столетия. Развитые формы ислама мирно сосуществовали с христианством, они же тесно переплетались с элементами языческого мировоззрения, с зоолатрией, шаманизмом, культами матримонального характера (в доисламской культуре вайнахов наблюдается высокий статус женщины, с которым были связаны культовые обряды). Это создает сложнейшие семиотические (знаково-символические) контексты, с их своеобразным синтезированием в рамках фольклорных форм культуры.

Наконец, район Северного Кавказа имеет богатую историю войн и современных межэтнических конфликтов, которые не могли не сказаться на специфических чертах вайнахской народной культуры. С одной стороны, это выработка различных социальных институтов (например, национальное собрание - прототип современного парламента, социальная иерархия по типу: воин-лидер, старейшина рода, отец-семья и т.д.; народная дипломатия, братские и сестринские союзы, культ гостеприимства и неприкосновенности гостя, уважение к собственности и т.д.), с другой, феномен фетишистских форм национального самосознания (приверженность национальному идеалу и идеальному типу), позволяющие сохранить национально-культурную идентичность, вырабатывать механизмы, герметизирующие этнические смыслы существования вайнахов и их достаточно жесткое и сугубо избирательное отношение к иной культуре.

Колониальная политика Российской империи (войны, террор, массовые репрессии лидеров сопротивления и духовенства), обострившаяся в XIX в., на долгое время определила характер взаимоотношений российских властей и кавказских народов. Завоевательная политика, игнорирование глубоких и разнообразных традиций и

культурных установлений горских народов привело в 1817 – 1859гг. к русско-кавказской войне. Наиболее серьезное сопротивление оказывали вайнахские народы, сопряженные с развитым сельским хозяйством, с национальной идеологией, основанной на исламе и сильных национальных традициях, с внутриклановой консолидацией. В этих условиях результатом осознания национальных интересов стало создание в 1828г. теократического государства во главе с Имамом Шамилем, которое просуществовало вплоть до 1852г. После поражения Имама Шамиля около 30 тыс. вайнахов покинули родину, уйдя в Турцию (первая массовая политическая эмиграция в современной истории не только вайнахов, но и других народов Северного Кавказа, инициированная российским правительством). К концу XIX века ситуация на Северном Кавказе усложнилась вмешательством Англии и Франции, однако уже в 1878г. в результате победы России в Крымской войне Кавказ был закреплен за Россией на международном уровне.

Начиная с кавказских войн, вплоть до сегодняшнего дня, многие войны, политические конфликты не только не получили своей объективной оценки, не нашли своего разрешения, но и приумножились, наслаиваясь один на другой, влияя и определяя национально-этническое сознание, характер и культуру ингушей и чечен.

Свежа в национальной памяти вайнахов вторая политическая депортация (истинные мотивы которой еще остаются в тени), проведенная советским правительством в феврале 1944г. В короткие сроки ингуши и чечены были вывезены, более 400 тыс. (400600) человек в Казахстан и около 90 тыс. (88300) человек в Киргизию. За первый год после депортации в живых осталось менее 300 тыс. человек. Жизнь после возвращения на родину готовила новые сложности, особенно, в социально-политическом отношении, ярлык неблагонадежных продолжал определять существование вайнахов.

К этому следует добавить недавние события октября-ноября 1992г., военные действия, в ходе которых была проведена этническая чистка ингушского населения на территории РФ в республике Северная Осетия, сопровождавшаяся жестоким террором. Из Доклада о массовых нарушениях прав граждан ингушской национальности в Российской Федерации следует, что насилие было направлено со стороны хорошо вооруженных осетинских бандформирований и российских войск против мирного, безоружного незащищенного ингушского населения Пригородного района. Более 700 убитых и пропавших без вести, более 600 раненых и изувеченных, более 60 тысяч депортированных и лишенных всего своего состояния, одиннадцать сел, стертых с лица земли, и более 3000 сожженных и разграбленных и разрушенных домов. Осенью 1994 г. началась война в Чеченской республике, бесчисленные потери в которой, понесло мирное население чеченцев, (в большей степени), ингушей, русских, армян, украинцев и др. В Российской Федерации на территории Чеченской республики в течении нескольких лет уничтожается мирное население, но этому не только не дана соответствующая оценка, война преступно продолжается, приобретая все новые основания со стороны российского руководства.

Все это привело к тому, что на протяжении XIX – XX вв. осуществлялось целенаправленное разрушение традиционного уклада и образа жизни, национальных ценностей, норм и идеалов народной культуры ингушей и чечен. Данная ситуация на Северном Кавказе сегодня приобретает угрожающие элементарному человеческому

существованию симптома. Вот уже семь лет, как законсервирована и почти не разрешена проблема депортированного ингушского населения на территории Российской Федерации в республике Северная Осетия.

Сегодня к этому положению на Кавказе добавились бомбардировки дагестанских и чеченских сел, новая волна обескровленных беженцев. Растет интенсивность и масштабы миграции народов Северного Кавказа как внутри региона, так и за его пределы. Значительно увеличилось число эмигрантов, особенно из Чеченской республики, где условия, в которых живут люди, давно перешли границы всякой экстремальности.

Число мигрировавших из Чеченской республики в республику Ингушетию по сведениям Миграционной службы Ингушетии на 17.03.95 г. следующее:

Районы РИ, где разместились беженцы	Кол-во семей	Кол-во человек	Ингуши	Чеченцы	Русские	Другие
1. Назрановский район	13944	63893	40042	19980	2378	1493
в том числе двойные беженцы (т.е. депортированное ингушское население из Северной Осетии)	438	2083	2083			
2. Сунженский район	8182	43090	21388	19376	1371	955
3. Малгобекский район	4236	18655	10378	7975	193	109
4. Джейрахский район	73	386	240	120		26
ИТОГО:	26435	126024	72048	47451	3942	2583

Отправлено в Минеральные воды - 5592 чел. Тему миграционных процессов на Северном Кавказе российские средства массовой информации почти не затрагивают, если такое и случается, то информация часто противоречивая.

Более подробные данные по национальному составу и числу мигрировавших из Чеченской республики с 1992 по 01.01.1999гг. были предоставлены руководством Миграционной службы РФ. Однако отметим, что предоставленная статистика состоит из числа зарегистрированных вынужденных переселенцев. Не менее значительные цифры не зарегистрировавшихся, вероятно, остались за кадром.

	аварцы	армяне	ингуши	ногайцы	осетины	русские	татары	турки-месх.	узбеки	украинцы	чеченцы
РОССИЯ Северный регион	1368	6060	13014	1922	732	102251	1898	191	466	3136	10008
Северо-Зап.	0	116	44	1	11	2522	53	0	2	89	838
Центральный	6	270	173	4	21	8377	140	0	0	262	1051
Волго-Вятск.	0	63	13	0	0	1379	55	0	0	37	78
Центр.-Черн.	1	158	29	10	17	7845	37	7	8	506	234
Поволж.	21	657	801	103	36	10555	719	1	14	377	1460
Северо-Кавк.	1326	4667	12516	1796	624	66496	568	183	423	1722	4347
в том числе в Ингушскую респ.	0	0	12383	0	0	268	19	0	0	0	2638
Уральский	10	14	29	1	7	1393	172	0	14	54	871
Западно-Сиб.	1	49	93	4	10	1903	120	0	5	30	684
Дальневост.	0	12	20	0	403	0	0	0	12	136	

Особенно интенсивный отток населения из Ингушетии (угроза военных действий и безработица) и, в особенности, из Чеченской республики наблюдается в течение 1999 года, статистических данных по которому в МС РФ пока еще нет. Однако, очевидно, что миграция чеченского населения из республики приобретает все более интенсивный

характер, выезжают сотнями каждый день, иного и нельзя ожидать. Это конечная цель? Вопрос в никуда!

Это далеко не полная картина неконтролируемой миграции народов Северного Кавказа, в основном, из Чеченской республики и Северной Осетии, где каждый день - если не борьба за жизнь, то сиюминутное состояние (длящееся годами) готовности к ней, где население не испытывает никакой защищенности со стороны государства, которое с помощью произвола, бомбардировок сел и гражданских объектов решает проблемы, так и не прояснив их для себя.

Такое положение выдвинуло на первый план решение важнейшей задачи: сохранение этноса вообще, его национально-этнической идентичности, самосознания в рамках традиционной народной вайнахской культуры. Без ее решения можно было бы говорить о развитии массовых процессов аккультурации и ассимиляции вайнахов. Для разрешения сходных ситуаций, как правило, применяется набор традиционных способов, неоднократно опробованных в культурной истории разных народов: искусственная консервация фольклорных форм культуры, национальный изоляционизм, акцентировка националистических идеологий.

Осознание значимости национально-этнической идентичности в современных условиях привело к необходимости исследования национально-этнического сознания, для чего следует прояснить термины, при помощи которых осуществлялась рефлексия данных социальных явлений.

По широте охвата смысловых значений на первом плане стоит категория этничность.

Само это понятие стало развиваться достаточно недавно: только с середины 70-ых годов термин этничность становится широко применимым тогда, когда речь заходит о философско-антропологических и философско-социологических исследованиях феноменов национальной культуры, национально-этнического сознания, национальных форм символизации. С понятием этничность сопрягается изучение процессов формирования национально-этнической идентичности, межнациональных и межэтнических конфликтов, последствий социально-культурной ассимиляции и т.п.

При решении этих проблем были сформированы три основных подхода к феномену этничности. Первый – примордиалистский – связан с пониманием этничности, прежде всего, как природно-биологического феномена. Например, П. Ван ден Берг предложил понимать этничность как следствие генетической предрасположенности человека к родственному отбору. Он отмечает: ...солидарные группы являлись, по существу, примордиальными этносами. Таково эволюционное происхождение этничности – расширенная родственная группа. С прогрессивным ростом размера человеческих обществ границы этноса становились шире... Потребность в определении коллективности более широкой, чем непосредственный круг родственников на основе биологического происхождения, продолжает присутствовать даже в современных массовых индустриальных обществах.

В рамках такого подхода этничность понимается как нечто первично-исходное, сопряженное с эволюционно-генетическими процессами. Однако, уже в работах Фердинанда Тенниса, которого считают родоначальником данного направления, этничность трактуется как родственная общность, характеристика человеческих сообществ, подчеркивающая взаимность, по отношению к которой вырабатывается идентичность и первичное символическое означивание членов данной общности, построенное на глубокой аффективной привязанности.

Второй подход – инструменталистский – сложился под эгидой прежде всего политологических и социологических трактовок феноменов межэтнических отношений.

Инструментализм часто опирается на социально-психологические теории, в которых этничность понимается как эффективное средство для преодоления социального отчуждения, восстановления униженной национальной гордости, разрушенной национальной идентичности.

Консолидирующая роль этничности усматривается в рамках данного подхода в связи с утилитаристскими ценностями, трактуемыми с позиций социального функционализма. Этничность понимается как то, что позволяет сохранить свою особость, свой дом в условиях тотального отчуждения и нарастающей унификации. Это то, при помощи чего формируется представление о своих и чужих, то, что связано прежде всего с процессами особой символизации свойскости в рамках современной цивилизации. Можно сказать, что при таком подходе этничность понимается прежде всего как способ преодоления отчуждения, как феномен постоянно воспроизводящий определенные знаково-символические контексты, при помощи которых удается снять ситуации информационной сложности современного мира, купировать ряд информационно-избыточных сигналов, определенным образом упорядочив их. Сторонники этого подхода связывают этничность с процессами символопорождения, при помощи которых существенно упрощается взаимодействие: оно фактически сводится к набору стереотипных ролей и ситуаций. Этничность осваивает социальный мир, присваивая его посредством своей символизации, превращая его из чужого в свой собственный.

Если принять эту точку зрения, то этничность можно увязать с очень своеобразным феноменом, – так называемым землячеством, – который рассматривается в современной социальной философии и политологии как локус властных отношений, как мощный ресурс мобилизации политической власти и энергии той или иной этнической группы, помогающий группе проводить в жизнь и отстаивать свои собственные интересы.

Третий подход – конструктивистский – берет свое начало в работах Ф.Барта – известного норвежского философа, культуролога и этнолога. Он определяет этничность как социальную идентичность, особую форму социальной организации, существующую за счет воспроизведения межгрупповых символов и топосов. В рамках такого подхода этничность трактуется скорее как своего рода социальный манипулятор, который связан не столько с культурной, сколько с социальной идентичностью.

Такое понимание этничности привело к достаточно своеобразной ее дефиниции, подчеркивающей ее неопределенность, текучесть, ситуативность. Под этничностью стали

понимать комплекс диакритик (физическая наружность, наименование, язык, история, религия, национальность), которые определяют разделяемую идентичность для членов и не-членов группы.

Нетрудно видеть, что все подходы к этничности подчеркивают какую-то одну сторону данного феномена. Сложность этничности, ее системность, предзаданность, жесткая привязка к культурным и социальным контекстам, затрудняют ее однозначное определение. С другой стороны, сохранение определенной конвенциональности дает возможность использовать данное понятие в рамках самых разных наук, что способствует более глубокому прояснению содержания этничности и реализации потребности в ее точно зафиксированной дефиниции.

Значительный интерес представляет российская традиция понимания этничности, представленная в работах С.М.Широкогорова, Л.М.Гумилева, Ю.Бромлея, Г.Гаврилова и др. Отличительной особенностью российской философской традиции в трактовке этничности является ее рассмотрение как феномена, обусловленного прежде всего эволюционно-историческими, социально-культурными процессами. Этничность трактуется как то, что отражает единство крови и почвы. Так, С.М.Широкогород отмечает, что этничность – это субстанциональная характеристика этноса, под которым понимается группа людей, говорящих на одном языке, признающих свое единое происхождение, обладающих комплексом обычаев, укладом жизни, хранимых и освященных традицией и отличающих его от таковых других.

Похожее определение дает и Ю.В. Бромлей: этнос – это исторически сложившаяся на определенной территории совокупность людей, обладающих общими, относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме).

Специфика этноса сопряжена со спецификой культуры, которую он создает. Исследованию этноса, нации, народа в этом плане была посвящена дискуссия, которая развернулась в отечественной научной и социально-философской литературе в 60-ых – 80-ых годах. В результате этнос стал пониматься прежде всего как особый социально-исторический субъект, обладающий собственными интересами, смыслами и целями социокультурной реализации. Этнос стал трактоваться как социально-историческая форма организации, специфика, структура и характер которой сущностно зависит от исторических изменений. Этнос как реально существующая организация людей характеризуется биологическим воспроизводством, базовыми культурными ценностями, выражающимися во внешнем единстве культурных форм, едиными семантическими полями коммуникации и взаимодействия, символическими и смысловыми константами идентификации, направленными прежде всего на конституционализацию этноса.

В последнее время стала развиваться информационная теория этноса, обоснованная в работах С.А.Арутюнова. Он полагает, что этнические общности прежде всего являются общностями, основанными на информационных связях. При этом информационные связи, обеспечивающие существование этноса, можно разделить на диахронные и

синхронные. Особое значение для этноса имеет диахронная (вертикальная) информация, связанная с целеполаганием этноса и системой его ценностных детерминант. С.А.Арутюнов отмечает, что механизм существования этнических общностей всех типов, их пространственная стабильность, их временная преемственность... основывается главным образом на связях, которые могут быть описаны в рамках понятия информации.

Способами передачи информации являются, с точки зрения этого автора, прежде всего традиции, языковые коммуникации, совокупность доминантных символов. При этом все перечисленные способы относятся к диахронной информации: Это вся культурная традиция народа, его творческое наследие, передаваемое из поколения в поколение, в словесной, а также материально-изобразительной форме. Наличием этих непрерывных диахронных инфосвязей между сменяющимися друг друга последовательными поколениями этноса обусловлена его преемственность и стабильность во времени, передача этнической традиции в течение веков.

В процессе ретрансляции информации особое значение приобретают этнические символы, в которых аккумулируются консолидирующие этнос смыслы и значения, идеалы и ценности. Именно их воспроизводимость посредством информационных связей этноса обеспечивает его идентичность и стабильные, константные структуры его сознания.

Роль символов в развитии этноса сопряжена и с их значением в процессе наиважнейших этапов (скачков) в рамках этногенеза. Речь идет об изобретении письменности (символической в своей основе – иероглифики, иероглифики, пиктографии) и о развитии средств массовой коммуникации и массового образования. С динамикой символов можно связать и процессы уплотнения информационных потоков и связей этноса. Арутюнов подчеркивает, что плотность их возрастает в ходе прогрессивно-поступательного исторического развития этноса. Различные типы состояний информационной плотности С.А.Арутюнов связывает с основными типами эволюционных общностей.

Данный подход достаточно интересен, так как дает возможность применить общую теорию информации к анализу бытия этноса, вычленив систему этнических символов как определенных носителей наиболее важных, с точки зрения жизни этноса, информационных единиц. Именно характер информации, формы ее кодификации (символ, образ, метафора, знак) и способы ретрансляции дают этносу возможность обладать сходным комплексом черт в культуре, мифом об общем происхождении, коллективной исторической памятью, общим наименованием.

Такой подход позволяет объяснить отличительные черты коллективного сознания этноса, специфические характеристики его миропонимания и мировидения, особенности мифологии, форм объективации воображения, этнических архетипов и т.п., отраженные в целостной системе этнических символов.

Наряду с этносом, этничностью, особое значение для данного исследования имеет понятие нации. Данная категория также обладает амбивалентностью и однозначно не определена.

Безусловно, марксистское понимание нации не утрачивает своего значения до сих пор. Однако, в современной философской, культурологической, социологической литературе предлагаются и иные толкования нации.

Например, Э.Ренан отмечает, что нация чаще всего понимается либо как естественный органический феномен, основывающийся на праве крови, либо как выражение воли членов сообщества к совместной жизни, как форма добровольной солидарности.

Такое понимание не имеет ничего общего с важнейшими чертами нации, оно не вскрывает ее особенностей, сближая данные явления с этносом. Эта же позиция отражена в работах известного философа, антрополога, этнолога и культуролога Э.Геллнера, который отмечает, что этнос и нация – это всего лишь наименования такого общества, границы которого полностью или частично совпадают с границами распространения всех культурных феноменов в их особом, своеобразном виде. Человеческая общность, живущая в этих границах, обладает этнонимом и характеризуется ярко выраженными национальными чувствами. Этничность становится политической и порождает национализм в тот момент, когда этническая общность, существующая в определенных культурных границах, не только осознает свою идентичность, но и считает, что этнические границы должны совпадать с политическими, а национальность правящей элиты с национальностью подданных.

Можно согласиться с данным описанием становления национализма, однако отождествление этноса и нации неправомерно. Этнос представляет собой тот социально-исторический субстрат, из которого развивается нация. Нация выступает как более зрелая форма социально-исторической общности людей, вырабатывающая более сложные семантические связи и структуры по сравнению с этносом. Она сильнее укоренена в социально-экономических, государственно-политических детерминантах своего существования. Нация вырабатывает национальную идею, как отражение и воплощение национального идеала. Через формирование и осознание национальной идеи, понятой как квинтэссенция выражения наиболее значимых для нации смыслов и значений, целей и задач ее существования, способствующих наиболее оптимальной адаптации к социально-историческим и культурным условиям, осуществляется генезис национального самосознания, становление национальной идеологии.

Этнические ценности и установки в чистом виде входят в национальное сознание, образуя его основание, базовое семантическое поле, в котором аккумулированы архетипические представления этноса, связанные с его традиционной картиной мира и древним (а в равной мере и современным) опытом, социально-исторической и культурно-адаптивной деятельностью.

Учитывая сказанное, нас будет интересовать сложный комплекс национально-этнических представлений, которые с особой наглядностью объективируются в этнических символах, сохраняющих определенную стабильность и особую значимость для осознания этносом своих социально-исторических целей, своего места в мире среди инокультурного окружения.

В противоположность Э.Геллнеру, другой известный философ Ю.Хабермас понимает нацию как протополитический феномен. Он отмечает, что бытие нации связано с партикулярными особенностями, которые она пестует и при помощи которых сохраняет свою идентичность и отграничение.

Таким образом, проблемы понимания нации сопрягаются с воспроизведением стереотипных установок. Нация рассматривается либо как результат взаимодействия народа и государства, либо как единство культуры и политического самосознания, либо как синтез этноса и социально-экономических условий его существования.

Нацию можно понимать как особый тип этносоциальной общности, сложившейся в период становления капитализма и характеризующейся специфическими экономическими связями, единством территории, языка, культуры и психологии. Однако, подчеркнем еще раз, что проблемы, связанные с комплексным исследованием национально-этнического сознания, его элементов и специфических особенностей, находятся в стадии разрешения и имеют повышенную значимость в контексте современного существования постсоветского общества.

До сих пор для изучения и описания национально-этнического сознания многие исследователи используют термины: национальная психология, дух нации, национальный характер и национальное самосознание как практически тождественные понятия. Здесь явно видна недостаточная разработанность методологических принципов в изучении национально-психологических явлений: отождествление целого с его компонентами мешает раскрытию содержания этих компонентов, их особенностей и определению их места в структуре целого, а, следовательно, становится невозможно правильно понять природу целого.

Исследование национально-этнического сознания до сих пор как в рамках отечественной, так и в рамках зарубежной традиции нередко сопрягается с описанием национального характера, как наиболее устойчивого феномена, стабильность и культурно-историческая инвариантность которого обеспечивает сохранение и диахронные (передающиеся во времени из поколения в поколение) формы объективации национально-этнического сознания.

В конце 30 - начале 40-х гг. XX века было одновременно предложено несколько теоретико-методологических подходов к исследованию национального характера (М. Мид, Р. Бенедикт, Г. Горер, А. Инкельс, Д. Левенсон и др.). Исследования были направлены на описание социокультурных феноменов в психологической перспективе, для объяснения различий и особенностей в человеческом поведении, ценностях и нормах, характерных для разных культур, разных социумов.

Для изучения национального характера исследователи выдвинули важную идею о том, что национальный характер может быть описан как особый способ распределения и регулирования внутри культуры ценностей и поведенческих моделей. Был поставлен вопрос и о способе связи социально обусловленных стереотипов с личностным опытом индивида, о заимообусловленности индивидуально-бессознательного и социально-

ценностного. Однако эти проблемы, особо актуальные в области исследования национального сознания, удовлетворительного разрешения не получили.

Далее ставились вопросы о национально-специфических структурах бессознательных механизмов психологической защиты индивида и национально-специфических структурах адаптивных механизмов. Примером изучения адаптивных свойств человеческой психики в рамках исследования национального характера может послужить постфрейдистская концепция социального характера Э. Фромма.

Общая концепция национально-этнического сознания, национального характера так и не была сформулирована в более или менее общепринятом виде, а исследования в этой области раскололись на множество конкурирующих между собой направлений, синтезировать достижения которых долгое время никто не пытался. Из всех направлений, зародившихся в области исследований национального характера, национального сознания дальнейшее развитие получил только ценностный подход (М. Смит, К. Клакхон, Ф. Стродбек и др.), ибо он давал возможность убедительно продемонстрировать наличие межэтнических различий, но не имел достаточной концептуальной базы, чтобы объяснить сущность и происхождение этих различий. Вместе с тем, поиск наиболее корректного методологического подхода к проблеме национального характера и национального сознания значительно приблизил современных исследователей к ее решению.

В конце 20-ых годов 20 века проблемы изучения национального характера и национального сознания разрабатывались в рамках культурно-исторической школы психологии, во главе которой стоял Л.С. Выготский. Он разработал так называемый инструментальный метод, суть которого заключается в исследовании поведения и его развития при помощи психологических орудий поведения и создаваемой ими структуры инструментальных актов.

В более позднее время в отечественной специальной литературе, посвященной данной проблеме, утверждается мнение, согласно которому специфика характера того или иного народа заключается не в существовании каких-либо уникальных свойств, а в особой композиции, в неповторимом сочетании характерологических черт, общих для разных наций, в интенсивности их проявления, в том, какое значение имеет для данного народа та или иная черта его характера.

При изучении национального характера необходимо также иметь в виду и то, что он существует исключительно в психологических ценностях личностей и только через них получает отражение в духовной деятельности нации. Это национальное своеобразие и придает особую окраску поведению, вкусам, социально-бытовым реакциям, привычкам представителей различных национальных общностей. В этой связи нам близка позиция современных ученых А.О. Бороноева и П.И. Смирнова, которые предлагают понимание национального характера как совокупности определенных норм поведения и системы ценностных ориентации, реализуемых в реальных поступках и действиях.

Новизна и продуктивность данной интерпретации понятия национальный характер, как нам представляется, состоит в том, что авторы учитывают в характере не только наличное действие, но и момент идеального, ценностно-нормативный элемент, незримо

влияющий на характер деятельности людей. Причем момент идеального выходит за рамки противоречивости реальных поступков. Он является той основой, которая придает устойчивость и определенность национальному характеру. Антиномичность, непоследовательность, неопределенность реального поведения, полярность психологических свойств указывают не на отсутствие характера, как считают некоторые, а являются объективным признаком серьезных расхождений между нормой и ее реализацией, идеальным и реальным. Наличие некоего образца создает предпосылки для снятия противоречий в поведении, преодоления антиномичности.

Интерес представляет попытка данных авторов определить национальный характер как определенный идеальный тип. Идеальный тип воспроизводится в каждом последующем поколении, продуцируя определенные нормы деятельности и формы их объективации. Национальный характер связан с диалектикой идеальных устремлений того или иного народа и выработкой реальных культурных институтов для их воплощения. По уровню воплощения идеального в реальном поведении этнических групп можно судить об уровне развитости национального характера, об уровне саморефлексии этноса, о степени развитости национально-этнического самосознания.

Национально-этническое самосознание представляет собой рефлексивную часть национально-особенного в сознании, связанную с представлением народа о самом себе и национальном идеале.

В 1990-е годы в ряде научных публикаций наметился некоторый качественный сдвиг в изучении феномена национально-этнического самосознания. Отечественные ученые стали активно разрабатывать теорию ментальности. Сам термин ментальность введен Л. Леви-Брюлем в сочинении по этнологии *Первобытное мышление* (русский перевод 1930 г.) и до сих пор не имеет однозначной трактовки. С наибольшей продуктивностью проблемами ментальности в ее объектно-эмпирическом проявлении занимались (и продолжают заниматься) историки французской школы новой интеллектуальной истории – М. Блок, Л. Февр, Ф. Бродель, Ж. Ле Гофф, Ф. Ариес и др., – а также их многочисленные последователи в разных странах. Определенный вклад в разработку теории ментальности внесли и некоторые отечественные ученые, как близкие к методологии новой интеллектуальной истории – А.Я. Гуревич, А.П. Ястребитская, В.П. Даркевич, Ю.Л. Бессмертный, – так и не принадлежащие к этой научной традиции – Л.М. Баткин, А.В. Арциховский, Н.В. Воронин, Б.Л. Романов, И.Г. Дубов, В.К. Кантор, А.С. Ахиезер.

Ментальность можно рассматривать как наиболее константную, глубинную часть сознания этноса. Она менее подвержена изменениям и детерминирована в большей степени традицией и культурой, чем наличным социальным строем и общественными отношениями. Менталитет имеет особые каналы трансляции, позволяющие ему передаваться из поколения в поколение. Главными среди них являются классические, сакральные, фольклорные и иные широко распространенные тексты, структуры языка, предметы повседневного обихода, типичные образцы поведения.

Чаще всего менталитет одного народа реконструируется исследователями путем сопоставления с менталитетом другого. Захватывая бессознательное, менталитет

выражает жизненные и практические установки людей, устойчивые образы мира, эмоциональные предпочтения, свойственные данному сообществу и культурной традиции.

В разработке проблем выявления особенностей менталитета заметную роль сыграл круглый стол, материалы которого были опубликованы в журнале Вопросы философии 1994 г., № 1, а также содержательная работа А.С. Мельникова О менталитете русской культуры: моноцентризм или полицентризм

Данная категория имела значение прежде всего для прояснения роли древнейших пластов этно-национального сознания в современных процессах социально-культурной адаптации этноса. Менталитет связан с устойчивыми архетипическими структурами сознания, сопряженными с синкретическим схватыванием действительности. Именно поэтому особую роль в процессе выражения ментальности играет символизация наиболее существенных смыслов, связанных с мировосприятием, миропониманием этноса. Через символ актуализируются древнейшие, сущностные представления этноса, которые скрыты последующими социокультурными наслоениями. Поэтому изучение древних этнических символов позволяет не только реконструировать историю этноса, его систему миропонимания, но и проследить его современную динамику, особенности саморефлексии.

В 1990-е годы в ряде научных работ в структуру национально-этнического самосознания вводится понятие национального самоопределения, которое предполагает осознание этносом своих возможностей, своего положения в мире, в системе международных связей. Наиболее важным в самоопределении этноса является выбор им своего пути развития.

Некоторые исследователи, например, М.Н. Кучуков, дополняют представление о структуре национально-этнического самосознания следующими компонентами: 1) история этноса как представление народа о своем прошлом, настоящем и будущем; 2) традиции, которые играют роль хранителя социальных ценностей; 3) этнические представления, которые в содержательном плане состоят из: а) представлений об этнической специфике в статусе знаний всего того, что составляет мы и окружающие они; б) отношения к этой специфике при помощи формирования ценностного отношения к другим народам, выражающегося в образовании стереотипных образов этноса, где эталоном выступает свой этнос; в) представлений о будущем этноса и, в соответствии с этим, мнений и убеждений, находящих выход в поведении и деятельности человека, социальных групп и этноса в целом.

Национально-этническое самосознание является специфической формой культурной рефлексии, которая предстает важнейшим механизмом формирования национального смыслообразования. Семантическое содержание этой рефлексии определяют такие системные качества национально-этнического самосознания, как приоритеты направления мыслообразования и моделирования, воспроизводство, интерпретация образов и символов идентичности, нацеленные в конечном счете на повышение уровня консолидированности этноса.

Национально-этническое самосознание, выражаемое в специализированных формах, выступает в виде идеологических учений и теорий и, как правило, не имеет массового характера. В отличие от стихийного чувства этнической общности, охватывающего народные массы лишь в сравнительно редких, критических для истории этноса ситуациях и существующего преимущественно в несистематизированных, фольклорных формах, национально-этническое самосознание формируется, фиксируется и функционирует в своих институционализированных проявлениях (социальных институтах, особенных традиционных формах, а порой и нормативных документах) и решает определенные политические задачи, актуальные для элиты. В период формирования нации именно элита обновляет содержание исторического и социально-научного знания, целями которого становится разработка теории этноса в модальности прошлое – настоящее – будущее (национальной мифологемы) как основания для консолидации нации.

Вместе с тем различные группы элиты не только производят идеи, но и распространяют, внедряют их в массовое сознание. При этом специализированный характер национально-этнического самосознания постепенно редуцируется, размывается его сложность и утонченность, оно начинает обретать более примитивные, сводимые к элементарным мифам формы и существовать именно как массовое самосознание нации в целом. В данном аспекте оно содержит в себе мнения (реже – доказательные знания) об особенностях как своего этноса, так и других народов, словесные, образные, символические представления об истории, настоящем и будущем своей общности, государственности, о принципах взаимоотношений внутри и вне этнической среды.

Специфика национально-этнического самосознания связана с его субъектами – носителями и с конкретно-историческими условиями, которые обуславливают формы его социально-культурной динамики.

Национально-этническое самосознание в комплексе своих проявлений (представление об автохтонности происхождения этноса, этнические ценностные ориентации и идеалы, картины мира, образы идентичности и их воспроизводство) является составной частью национально-этнического сознания на уровне психологических установок и образов, представляя в этом смысле из себя основание для формирования этнических символов, связанных с процессами этнической идентификации.

Как уже отмечалось, национально-этническое сознание можно определить как сложный социально-психологический феномен, характеризующийся общностью духовного облика, психологического склада, отражающими общность исторического опыта, хозяйственно-экономической жизни, специфические черты территориальности. Национально-этническое сознание, характеризуемое стойкими социально-психологическими признаками и установками, может при недооценке его особенностей свести на нет любые бесспорно прогрессивные реформы, значение централизации, государственности, даже единого языка. Политическая значимость этнических чувств, – подчеркивает Э. Геллнер, – важный феномен в истории XIX – XX вв. Недооценка роли национализма была общей ошибкой и западной либеральной мысли, и марксизма.

Национально-этническое сознание представляет собой системное сочетание психических свойств, которые обусловлены этнической принадлежностью людей независимо от того, являются ли эти свойства врожденными или приобретенными в процессе социализации. В национально-этническом сознании этноспецифические черты являются преобладающими. Они связаны с этнопсихологической окрашенностью когнитивно-гносеологических (познавательных-деятельных) процессов, обусловленной особенностями взаимоотношений этноса с природной средой в процессе хозяйственно-экономической деятельности, разнообразием и качеством культурного и социально-исторического опыта, грамматическими языковыми структурами, влияющими и формирующими этноспецифическую картину мира, играющими исключительную роль в этнической самоидентификации личности.

При этом, темперамент, эмоционально-волевые процессы, сфера социокультурных потребностей, мотивов и интересов деятельности составляет то ядро, вокруг которого формируется этноспецифические характеристики сознания индивида. Значимые содержательные компоненты локализуются прежде всего в эмоционально-мотивационной сфере, задаваемой культурной матрицей этносоциального организма. Сюда в первую очередь относится система потребностей, интересов, ценностных ориентаций и норм, интериоризованные роли (освоенные), поведенческие коды. Фиксация и объективация всех составляющих этой системы может осуществляться в совершенно различных формах. Но наиболее значимым в силу своей пластичности, двойственности, многозначности, интерпретативного потенциала является символ.

Символ не только фиксирует культурный опыт данного этноса. Он способствует быстрому переводу культурных смыслов и ценностей в интериоризованные формы, непосредственно влияющие на специфику отношений индивида к этнокультурным особенностям и механизмам отождествления с ними по мере усиления степени усвоения норм социальной культуры.

Адекватное представление об особенностях национально-этнического сознания, как отмечалось, можно составить на основе комплексного изучения его феноменов, объективированных в искусстве, религиозно-магических практиках, этико-моральных нормах, которые получают свое концентрированное воплощение в символе.

Процессы этносуверенизации, происходящие в современном российском социуме, войны и социально-политические катаклизмы, усиливают интерес к историческим корням этносов, определяющим самобытность, характерологические черты этносов, интегрирующим их в национальную общность. Рефлексия исторической укорененности и древних традиций этноса обостряет национально-этническое самосознание, и каждое новое поколение начинает свою историю с переосмысления прошлого своего народа

В этом смысле актуализация этноса представляет собой постоянно возобновляющуюся активность, ограниченную ритуально-мифологической традицией и системой символов, унаследованной от предыдущих поколений.

Что касается сугубо внутренних национальных процессов, то слепо и бездумно реанимировать архаичное сознание, символы, попытки придать им новое национально-

политическое звучание порой граничат с национальной катастрофой. С другой стороны, войны и другие социально-политические потрясения, способствуют стихийному возврату к истокам, как к одной из форм протеста против диктата и тотальных запретов государства. Это в свою очередь может сыграть роль детонатора в развитии национальных, межэтнических конфликтов, погасить которые бывает чрезвычайно трудно, т.к. они связаны с активизацией деятельности по защите, распространению и насаждению коренных смыслов национального существования, без чего этнос теряет свое системное единство и впадает в деструктивное состояние.